

Гун Цяньшуй с улыбкой обмахивался веером, терпеливо дожидаясь, когда Ци Моюнь опозорится.

Наконец, тот зашевелился.

Ци Моюнь поднял палочки, замер на мгновение и снова положил их. Гун Цяньшуй, заметив это, приподнял бровь.

И тут в зал внезапно кто-то ворвался.

Еще недавно Гун Цяньшуй хвалил своего ученика за рассудительность, но сейчас его гордость и опора, старший ученик Сун И, напрочь забыв о правилах приличия, вбежал с подносом в руках. Он в панике подскочил к Ци Моюню и с грохотом опустил поднос на столик, суетливо убирая блюдо с красной рыбой и ставя вместо него новое.

Лицо Сун И было белее мела, он, опустив голову, пробормотал:

— Старший дядя, прошу, отведайте это новое блюдо.

Сказав это, он поспешно унес прежнюю тарелку.

В зале поднялся ропот, гости переглядывались в недоумении.

Гун Цяньшуй оглядел присутствующих, чувствуя неловкость. Он уже хотел было сказать что-то, чтобы отвлечь внимание, как вдруг в зале воцарилась тишина.

Глава Секты Конфуцианцев отодвинул его руку своим складным веером, а затем раскрыл его, явив взору пейзажную живопись, и сурово произнес:

— Глава Секты Даосов, прошу, соблюдайте приличия.

Повсюду раздавались судорожные вздохи — те, кто попал под действие Обаяния всеобщего любимца, застыли в оцепенении.

Глава Секты Даосов смотрел на опущенные ресницы Ци Моюня и его плотно сжатые тонкие губы. Сам того не осознавая, он протянул руку, но стоило ему почти коснуться Ци Моюня, как путь ему преградил раскрытый веер.

Когда Ци Моюнь закончил трапезу и вытер уголки губ платком, он заметил, что очки симпатии увеличились на десять тысяч.

Чтобы не отвлекать хозяина от еды, 996-й не стал озвучивать цифры, а лишь тихонько собрал

начисленные очки. Эти люди были уровнем выше простых прохожих, каждый принес по тысяче очков, что в сумме дало неплохой результат.

— Второй брат, какая нужда привела вас сюда сегодня?

В наступившей тишине чьи-то упавшие веера прозвучали пугающе отчетливо.

Новое блюдо выглядело аппетитно, куда лучше предыдущего, а аромат был свежим и манящим. Он аккуратно отодвинул палочками зеленый лук, украшавший рыбу, и выудил из брюшка кусочек нежного белого филе.

— Вы ошиблись, это не старший Ци Ханьин.

От этих слов даже веер Гун Цяньшуй выпал из рук и ударился о стол.

Стоило рыбе попасть в рот, как в глубине темных глаз Ци Моюня мелькнул огонек.

Закончив говорить, он оглядел присутствующих. Увидев, что те по-прежнему зачарованно смотрят на Ци Моюня и, кажется, даже не слышат его слов, он пришел в ярость.

Хотя глава Секты Даосов понимал, что ведет себя неподобающе, потеря лица перед всеми была для него невыносима. Покраснев от стыда, он уже собирался указать на Ци Моюня и попытаться оправдаться, но глава Секты Конфуцианцев снова его оборвал.

Действие эффекта Обаяния всеобщего любимца закончилось, и пребывавшие в смятении гости начали приходить в себя. Благородный вид главы Секты Даосов был окончательно разрушен. Он резко вскочил, нетвердой походкой подошел к Ци Моюню и, не в силах оторвать взгляд, уставился на него, пряча дрожащие руки в широких рукавах.

Гун Цяньшуй, пребывая в замешательстве, проследил за взглядом гостей и наконец разглядел истинное лицо Ци Моюня.

Да, как этот жалкий, опустившийся преступник мог быть тем самым светлым и безупречным Ци Ханьином?

Когда Ци Моюнь снял маску, Гун Цяньшуй долго не мог прийти в себя. Он был потрясен и не мог поверить своим глазам. Его воспитал Ци Цзинчжи, но он никогда не видел его лица и подсознательно полагал, что тот скрывает свою внешность из-за уродства. Кто бы мог подумать...

Он заставил себя успокоиться и принять невозмутимый вид, однако голос его все равно слегка охрип:

— Верно. С чего бы моему старшему брату быть Ци Ханьингом? Просто лица похожи, не более.

Слова главы Секты Конфуцианцев прозвучали веско, будто отрезвив остальных.

Ци Моюнь уже убрал маску в сторону и, снова взяв палочки, сосредоточился на жареной рыбе.

Снаружи хрустящая, внутри нежная — превосходно.

— Старший Ци Ханьин?

Ему нужно во что бы то ни стало выпроводить Ци Моюня, иначе как продолжать эту конференцию по обмену опытом?

Ци Моюнь не горел желанием здесь задерживаться. Он надел маску, поднялся и произнес:

— Слышал, Секта Небесного Меча приняла немало внешних учеников.

Он не успел договорить, как Гун Цяньшуй поспешно подхватил:

— Именно так. Должно быть, брат пришел отобрать себе учеников? Списки у Сун И, можешь идти и выбирать любого.

Эти люди были настолько одурманены Ци Моюнем, что Гун Цяньшуй не мог больше на это смотреть. Больше всего его пугало то, что он и сам чувствовал на себе странное влияние.

Как это возможно?

— Благодарю, — ответил Ци Моюнь.

Сун И до сих пор содрогался при воспоминании о случившемся.

Не зря говорят о Божественном Мече Линъюнь — он мог незримо зависнуть над головой, вынуждая его действовать прямо на глазах у Учителя и глав других сект, и при этом никто ничего не заметил.

Если бы он помедлил с заменой блюда, меч неминуемо упал бы, и он тут же лишился бы жизни.

Лин Уюй, должно быть, сошел с ума — защищать врага, убившего его мать? Неужели он тоже положил глаз на Ци Моюня?

Сун И беспорядочно размышлял, невольно оглядываясь назад.

Божественный Меч Линъюнь все еще следовал за ним, вот только теперь он не висел прямо над головой, а держался чуть позади.

Хотя меч скрыл свою форму, убийственная аура и давление никуда не делись. Сун И хватило лишь одного взгляда, чтобы в страхе отвернуться, обливаясь холодным потом.

Он больше не мог этого выносить. Этот меч словно прилип к нему. Долго ли это будет продолжаться? Неужели придется сопровождать Ци Моюня до самого его ухода с Пика Знаменитого Меча?

Черт возьми. Выругавшись про себя, Сун И продолжил путь. Свернув за угол, он внезапно наткнулся на Ци Моюня.

Его душа словно улетела в пятки.

— Ци... нет, старший дядя. — Сун И забыл даже о том, что ему угрожает Божественный Меч. В голове пронеслись самые непристойные фантазии, мелькнула мысль о том, что умереть под цветущим пионом — достойная смерть. Он с вожделением хотел приблизиться к Ци Моюню, но давление Меча Линъюнь за спиной внезапно усилилось.

Сун И остановился и втянул голову в плечи.

Да ну его, собственная жизнь важнее.

— Кто приготовил то блюдо, которое ты принес позже?

Неожиданно услышав вопрос Ци Моюня, Сун И снова взбодрился. Он осторожно оглянулся.

В такой критический момент ему было не до размышлений, почему Ци Моюнь спрашивает об этом, он лишь мучительно решал, стоит ли говорить правду.

— М?

От этого звука, казалось, у него внутри все задрожало. Сун И, разомлевший от этого голоса, выпалил без раздумий:

— Это молодой господин...

Меч Линъюнь за спиной не проявил никакой реакции. Сун И с облегчением выдохнул.

Ци Моюнь, напротив, был крайне удивлен.

Он вспомнил того пухлого малыша с глазами разного цвета. Его голос смягчился, когда он сказал Сун И:

— Завтра выбери внешнего ученика и пришли на Пик Духовных Лекарств.

Ци Моюню стало любопытно, почему этот малыш умеет готовить, да еще и так вкусно.

С помощью навигации 996-го, Ци Моюнь нашел Лин Уюя.

Тот сидел, скрестив ноги, на огромном валуне у озера, занимаясь культивацией. Ножны меча Линъюнь покоились рядом.

Поверхность озера покрылась тонким слоем льда, в котором отражалась фигура Лин Уюя. Его черно-красные одежды резко выделялись на фоне бескрайних снегов.

Почувствовав приближение человека, он открыл глаза, и его разноцветные зрачки настороженно устремились на гостя.

Ци Моюнь нашел его поведение очаровательным.

Увидев Ци Моюня, Лин Уюй снова закрыл глаза.

Ци Моюнь спросил:

— Это ты приготовил ту жареную рыбу?

Лин Уюй тут же повернул голову и отрезал:

— Совсем нет.

— Ну и славно, — специально сказал Ци Моюнь, — а то было очень невкусно.

Лин Уюй застыл, но сделал вид, что ему все равно, и продолжил медитацию.

Спустя некоторое время он понизил голос и неуверенно спросил:

— И правда... так невкусно?

Ци Моюнь:

— Ага, просто ужасно.

Лин Уюя словно молнией поразило.

Его мать при жизни не отказывалась от обычной еды, и он всегда упорно готовил блюда своими руками и ставил их перед поминальной табличкой. Если Ци Моюнь прав и он готовит так плохо, то...

У Лин Уюя защемило в носу, длинные ресницы задрожали, на глазах выступили слезы.

Он шмыгнул носом и с трудом сдержал их.

— Понял. Уходи, — сказал Лин Уюй. — Мне нужно продолжать медитацию.

Ци Моюнь рассмеялся.

Внешний ученик прибыл на Пик Духовных Лекарств очень быстро.

Это был крепкий молодой человек по имени Чжоу Цзымо. У него был единственный корень древесного типа, посредственные способности и всего лишь второй уровень Очищения Ци. На вид он казался честным и исполнительным, а еще неплохо готовил. В первый же день он привел в идеальный порядок весь Пик Духовных Лекарств.

С появлением помощника жизнь Ци Моюня стала намного легче, по крайней мере, теперь он не пропускал приемы пищи.

Тем не менее, пробуя разнообразные рыбные блюда в исполнении Чжоу Цзымо, Ци Моюнь все равно тосковал по мастерству Лин Уюя.

Помня о действии Обаяния всеобщего любимца, Ци Моюнь сохранял бдительность: никогда не позволял Чжоу Цзымо прислуживать ему во время купания и не показывал своего лица, пока однажды не случилась беда.

Вероятно, в Мире Демонов что-то изменилось, и демонические звери, охранявшие Пик Духовных Лекарств, внезапно стали крайне беспокойными, а в ночь полнолуния и вовсе взбесились.

Ци Моюня это не беспокоило. Он знал, что звери не причинят ему вреда, и если захотят уйти — уйдут, а их неистовство — лишь видимость. Поэтому их вой никак не влиял на его сон, он продолжал спать, как ни в чем не бывало.

Но Чжоу Цзымо этого не знал.

Он был до смерти напуган и, опасаясь за безопасность Ци Моюня, в тревоге влез в окно, подошел прямо к кровати и начал трясти его за плечи, умоляя бежать.

Ци Моюнь сонно повернулся. Его темные волосы рассыпались по плечам, и это ослепительно прекрасное лицо предстало перед глазами Чжоу Цзымо.

Тот ходил как в тумане еще несколько дней.

Он был молод, полон сил, и в голове невольно рождались развратные мысли. Когда он уже не знал, как справиться с охватившим его хаосом в душе, он встретил Сун И.

Чжоу Цзымо решил, что окончательно сошел с ума.

Он подсыпал в еду Ци Моюня снотворное, а затем привязал его руки и ноги к кровати связывающей бессмертных веревкой.

Сорвав маску с лица Ци Моюня, он окончательно потерял рассудок и, тяжело дыша, потянулся к его поясу.

Ци Моюнь проснулся от тревожного сигнала системы защиты. Едва открыв глаза, он испугался неистового напора Чжоу Цзымо. Вспыхнув от гнева, он попытался оказать сопротивление, но был надежно связан и не мог использовать силу Боевой системы. В тот самый момент, когда Чжоу Цзымо собрался сорвать с него нижнюю одежду, дверь внезапно вылетела с петель.

Сун И ворвался в комнату с отрядом учеников.

— Ах вы, негодники! Как посмели вступить в тайную связь! — рявкнул Сун И. — Люди, лишите Чжоу Цзымо уровня культивации и выгнать его вон!

Чжоу Цзымо замер в недоумении:

— Сун И, но ведь это ты дал мне веревку...

— Наглая ложь! — отрезал Сун И. — Вы замыслили постыдное, и мы застали вас на месте преступления! Схватить его!

Один из учеников пнул Чжоу Цзымо в грудь. Тот, не обладая достаточной силой, тут же выплюнул кровь и, содрогаясь, упал на пол. Остальные ученики подхватили его и потащили прочь.

Сун И подошел к кровати, подцепил подбородок Ци Моюня и усмехнулся:

— Отведите Ци Цзинчжи на Пик Знаменитого Меча для вынесения приговора.

Ци Цзинчжи, ты наконец-то попался в мои руки.

<http://bllate.org/book/22076/2295633>